

УДК 947.081/.083(571.63-20)

*Позняк Т.З.
Poznyak T.Z.***Образ Владивостока в представлении современников
во второй половине XIX – начале XX в.****The image of Vladivostok in the view of contemporaries
in second half of XIX – beginning XX**

Статья посвящена образу Владивостока во второй половине XIX – начале XX в. На основе широкого круга источников – официальных отчетов, путевых заметок, очерков – автор рассматривает, как изменялось представление о городе, раскрывает те аспекты образа города, которые наиболее часто привлекали внимание современников и транслировались в разнообразных текстах.

Ключевые слова: образ города, Владивосток, климат, общество, мифы, китайский квартал



The article is devoted to the image of Vladivostok in the second half of XIX – early XX century. Based on a wide range of sources – the official records, travel writing, essays – the author examines how changing perceptions about the city, reveals aspects of the image of the city that are most often attracted attention of his contemporaries and broadcast in a variety of texts

Key words: image of the city, Vladivostok, climate, society, myths, Chinatown

В современном отечественном дискурсе весьма актуальной стала проблема формирования позитивного имиджа региона или города как фактора его конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности [3; 11; 12; 14; 19]. Применительно к дореволюционному периоду говорить о целенаправленной политике по созданию имиджа территории в полном смысле нельзя, однако в разнообразных текстах того времени можно увидеть попытки сформировать у современников представление о том или ином регионе. Весьма красноречиво о том, какой образ Дальнего Востока существовал в России, сказал военный губернатор Владивостока А.Ф. Фельдгаузен во Всеподданнейшем отчёте за 1884 год: «далёкая окраина, про которую в провинциях Европейской России существует много сказочного, далёкого от действительности» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 370 об.).

Цель статьи – воссоздать образ Владивостока в представлениях современников – журналистов, путешественников, чиновников, жителей города во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи могут выполнить эту задачу, опираясь на два вида источников. Первый – это путевые очерки, впечатления и заметки о посещении Владивостока, изданные в виде статей в журналах, книг, рассчитанные на широкий круг читателей, в которых целью авторов было, конечно, не создание имид-

жа Дальнего Востока вообще и Владивостока в частности, а знакомство читателей с новым и вызывающим интерес регионом. Второй – это докладные записки, отчёты чиновников разного уровня, которые служили основой или напрямую представлялись на высочайшее имя или в правительстве и должны были создавать представление и знание о регионе и городе в соответствующих властных структурах. При сопоставлении и сравнении этих двух видов источников можно выделить нечто общее, на что обращали внимание авторы этих документов и транслировали во вне. В рамках статьи невозможно охватить все разнообразные аспекты образа Владивостока, отражавшиеся в документах эпохи, это только попытка представить наиболее часто повторяющиеся элементы.

Первое, на что наиболее часто обращали внимание и запечатлевали в текстах современники – удобство бухты Золотой Рог для стоянки судов и её красоту. В качестве примера официального видения можно привести текст из черновика Всеподданнейшего отчёта военного губернатора Владивостока за 1881 г.: Владивосток расположен «на западном и северном берегу глубокой и хорошо защищённой от ветров бухты Золотой Рог, весьма удобной для стоянки и самых больших судов...» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 214-214 об.). Гораздо более эмоциональны слова из письма, написанного восхищённым видом из своего окна Элеоноры Прей: «Здесь у нас, куда ни глянешь, всё солёная вода, да горы, а вид из окна до того хорош, что другого такого я в жизни не видала. Два залива да бесчисленные острова и сопки» [15, с. 19, 24]. Ю. Лигин, посетивший Дальний Восток в 1911 г., в своих очерках также оставил отзыв о виде с сопки на бухту Золотой Рог – «совершенно исключительной, единственной красотью». «Города, лучше расположенного, чем Владивосток, в России нет. Даже Ялта, – блестящая, ослепительная Ялта, – на мой взгляд, уступает ему» [13, с. 93].

Второе, на что неизменно обращали внимание путешественники, публицисты, медики и чиновники, жившие в городе, – это неблагоприятный климат Владивостока, являвшийся причиной лёгочных и суставных заболеваний, нервных расстройств. В отчёте Владивостокского городского врача коллежского асессора Новикова от 9 апреля 1881 г. военному губернатору Владивостока написано: «Находясь почти на одной широте с Римом и Венецией, он имеет среднюю годовую температуру одинаковую со Стокгольмом и Петербургом. Одну половину года с мая по октябрь климат Владивостока совершенно морской с частыми густыми туманами, другую половину года, вследствие почти не прерывно дующих сухих, холодных Северо-Восточных ветров, он имеет климат сухой вполне континентальный. ... Зимой имеет холодную, бесснежную; зимой дуют почти постоянно... ветра, значительной силы, сухие и холодные, поднимающие по улицам сильную пыль. Эти ветра составляют одно из наиболее неблагоприятных климатических условий Владивостока, порождая очень значительное число заболеваний воспалением дыхательных органов» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 76-76 об.).

Повторяющиеся из года в год слова из отчётов врачей и губернаторов, видимо, имели достаточные основания. Особенности местного климата поражали приезжих. М.Г. Гребенщиков, посетивший Владивосток в середине 1880-х годов, прибыл на пароходе Добровольного флота в конце апреля и констатировал, что весна в городе ещё не начиналась, весь май он проходил в ватном пальто и вплоть до 10 июня «в комнате почти ежедневно топилась печка», стоило пойти дождю температура воздуха среди лета опускалась до 10 градусов. «Но что было поистине убийственно – это туманы. От них нельзя было спастись даже в комнатах. Ножницы, ножи и другие стальные вещи покрывались страшной ржавчиной, ... шведская куртка поросла грибами, а фрак и мундир покрылись зе-

лёнными пятнами; даже сафьянные корешки книг покрылись плесенью. ... Сырость и туманы Лондона, насколько я с ними знаком по описанию, ничто в сравнении с сыростью и туманами полуострова Амурского...» [7, с. 129-130]. Только в конце июля наступало лето, и начиналась «тропическая жара» с невероятной духотой. «Настоящей зимой» во Владивостоке не было, редко выпадавший снег сдувался с улиц сильными ветрами, морозы сменялись оттепелями, когда вдруг мог пойти дождь» [7, с. 130-131]. «Нигде так часто не сходят с ума, как во Владивостоке, и доктора объясняют это не одним господством пьянства, которое разве немного сильнее общерусского, но и климатическими условиями, располагающими к психическим заболеваниям» [7, с. 132].

Гребенщиков воспроизводит один из мифов, составляющих образ Владивостока – пьянство и климат вели к более частным «умопомешательствам» во Владивостоке, чем в Европейской части России. Этот миф, видимо, был так распространён в сознании местных жителей, что губернатор Владивостока сделал специальный запрос на этот предмет городскому врачу [РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 283.], который в ответ написал, что сколько-нибудь точной и полной статистической базы для проведения такого сравнительного исследования нет, поскольку такая статистика не собирается в империи. Далее он написал: «... нельзя вместе с тем «отрицать, что пьянство, умопомешательство и самоубийство распространены в здешнем крае в довольно большом числе... но я не могу приписать им особые местные условия проявления...», обосновал свой вывод тем, что во Владивостоке нет местного населения, «а прибывающие сюда на временную стационарную жизнь и службу представляют общество Европейской России со всеми его слабостями; ... Не видал я, чтобы приехавший сюда человек трезвого поведения здесь превратился в пьяницу, но все мне известные случаи запоя принадлежат людям, которые уже в Европейской России были подвержены пьянству» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 331-331 об.).

Современники также неизменно обращали внимание на своеобразную планировку Владивостока – растянутость вдоль береговой линии и очаговый характер застройки, обусловленные прибрежными положением и рельефом местности, а также качеством городских построек. Н.М. Пржевальский, посетивший Владивосток в конце 1860-х годов, подметил обширность и удобство бухты для стоянки судов, протяжённость города на версту и характер застройки: «Кроме солдатских казарм, офицерского флигеля, механического заведения, различных складов провианта запасов, в нём насчитывается около пятидесяти казённых и частных домов да десятка два китайских фанз. Число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками, простирается до пятисот человек» [16, с. 143].

К концу 1870-х годов численность населения города уже составляла около 10 тыс. чел., застройка по-прежнему носила очаговый характер, город вытянулся ещё больше, были выделены места под порт, механические мастерские, госпиталь и слободки – Офицерскую, Матросскую, Госпитальную. В 1873 г. вблизи города был основан Подгорный посёлок сырьёкопторжных, также на Первой речке существовал пивоваренный завод [6, с. 19, 23, 25-26] (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 214-214 об.; Д. 294. Л. 287-287 об.).

Этот рост города отражался в официальных документах, например, во Всеподданнейшем отчёте военного губернатора Владивостока за 1881 год указано, что город «тянется узкою полосой от берега Амурского залива по западному и северному берегам Золотого Рога на восток до семи вёрст. Ширина же только в оконечностях доходит до полуверсты, большая часть города шириною от 50 до 150 сажень. Такому растянутому расположению города способствовали близ берега лежащие значи-

тельные высоты с крутыми спусками» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 214-214 об.). Кроме этого, в отчёте фигурировали и негативные характеристики местной застройки: «Большинство домов принадлежит бедному классу жителей, имеют характер временный, без хозяйственных пристроек и приспособлений, отхожие места очень плохо устроены и большею частью состоят из огороженных ям, помойных ям вовсе нет и самые дома устроены плохо, на скорую руку, совершенно против правил гигиены за ограниченностью средств жителей. Незначительная часть жителей имеют порядочные дома с пристройками и лишь немногие владеют хорошими домами, построенными по правилам архитектуры и гигиены» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 209.).

По мере роста населения осваивались более высокие ярусы холмистого ландшафта берегов бухты Золотой Рог. В конце 1880-х – 1890-е годы застройка охватила склоны сопок, а также отдалённые от центральных кварталов низменные части – частично Куперовскую падь и долину Первой речки, строительство казарм, складов, немногочисленные частные постройки развернулись уже и в районах мыса Чуркин. При этом, в центральной части города первоначальная деревянная застройка 1860-70-х годов частично была снесена и в 1890-х годах, но в основном в начале XX в. сменилась каменными двух, трёхэтажными зданиями и выше.

Неудивительно, что уже в 1880-90-е годы появились иные описания Владивостока, и в качестве характерной черты начали отмечать динамичность города и быстрое развитие. Военный губернатор Владивостока уже в отчёте за 1884 г. предсказывал городу большое будущее: «Если осматривать город один раз в год, то перемены малозаметные для постоянного жителя резко бросятся в глаза, так прогрессивно идёт его улучшение, развитие. Четыре-пять лет назад не было ни одного каменного здания и вся постройка домов носила характер временный, сколоченные кое-как на скорую руку для временной остановки служилого люда или приехавшего поискать счастья на нашей далёкой окраине... Теперь же город украсился многими каменными солидными зданиями, заметно на каждом шагу стремление к прочности, постоянной оседлости, особенная забота обращена при постройке новых домов, которых в отчётном году значительное количество возведено: устраиваются улицы, водосточные трубы, мосты, тротуары, делаются насыпи, обсаживаются деревьями; также улучшены пристани, площадь и базар, устроены по берегу товарно-приёмные и отпускные пакгаузы» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 370 об.-371).

С.Н. Южаков, прибывший во Владивосток 23 апреля 1891 г., обратил внимание на особенности застройки главной улицы – Светланской – «широкая, с деревянными, плохо содержимыми тротуарами по бокам, немощёная, очень пыльная. Строения теснятся преимущественно на северной стороне улицы. Здесь вижу большие магазины Тун-ли, Юн-Хо-Зана, Юн-Син-Ли, Качана, японский магазин Эмура, русскую прогимназию, японских часовщиков, китайских портных... но более всего стеснившихся в кучу грязных китайских фанз...» [21, с. 25]. В другую сторону по Светланской «один за другим возвышаются громадные каменные магазины трёх главных торговых фирм Владивостока (две иностранные и одна сибирская). Тут же почтовая контора и телеграф...» [21, с. 26-27]. Светланскую улицу перпендикулярно пересекают переулки. «Все эти переулки с одной стороны круто спускаются к бухте, а с другой ещё круче поднимаются в гору, которая здесь близко подходит к бухте, не оставляя у берега свободной горизонтальной площадки. Только в северо-западном углу бухты, где пристань и базар, имеется такая небольшая площадка» [21, с. 27].

Однако сохранились в источниках и описания застройки Владивостока этого же времени, ничем не отличающиеся от отчётов губернатора за 1880-е годы: «Большинство домов, принадлежащие небогатому классу, деревянные; построены против всяких правил гигиены, весьма тесны, холодны и сыры... Хотя дома строились и строятся из брёвен, но немало встречается и таких, наружные стены которых состоят только из одной плахи. Удобств при домах никаких... особенно неблагоприятные санитарные условия представляют: манзовский квартал, Семёновский покос и слободки – Линейная и Матросская, которые по большей части состоят из фанз или жалких лачуг» [17, с. 10-11].

Столь же негативно оценивалось современниками и состояние городских улиц: «... улицы города почти исключительно грунтовые; каналы каменные сделаны только по главным улицам и то большею частью с одной стороны, которые при весенних дождях горными потоками или заносятся вовсе, или размываются; тротуаров почти нет, потому что существующие дощатые мостики, ремонтируемые от времени до времени и представляющие из себя движущиеся под ногами настилки, называться тротуарами не могут...» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 178. Л. 61). И это несмотря на то, что во Владивостоке за 1880-90-е годы были проведены большие работы по шоссировке улиц, сооружению водосточных канав, строительству тротуаров.

В начале XX в. центральная улица – Светланская – была замощена на расстоянии 370 саженей¹, остальные продолжали оставаться грунтовыми. На пяти улицах были устроены каменные тротуары, на остальных в центральной части города – деревянные [4, с.123]. Полностью главная улица была замощена в 1908 г., в мостовую были уложены трамвайные рельсы, к этому времени было замощено ещё несколько улиц в центральной части города. В виду больших работ по благоустройству улиц сильно изменились как визуальный образ города (это отражается на снимках конца XIX – начала XX в.), так и вербальный. Тем не менее, страницы местных газет продолжали пестреть заметками на эту тему и в 1890-е и в 1910-е годы: «... даже на главной улице – Светланской – стояла такая грязь, что для перехода через улицу требовалось нанимать извозчика» [5].

В начале XX в. А. Богданов отметил в своих очерках: «преобладающий тип построек – одноэтажные и двухэтажные деревянные домики. Каменные дома строятся в три и даже в четыре этажа», базарная площадь и центральные улицы освещаются керосиновыми фонарями, которых город имеет 250. «Электричество здесь также начинает вводиться, пока им освещаются магазины местных богачей, а также некоторые гостиницы. ... Владивосток растёт не по дням, а по часам» [2, с. 63-64]. И ему фактически вторит А.Виноградов [4, с. 122-123]. Е. Павлов также отмечает наличие в городе «прекрасных, даже высоких каменных построек», и неудобство улиц «вследствие плохих мостовых» [18, с. 205]. Гораздо более высоко оценил Владивосток Ю. Лигин в 1911 гг.: «И построен он недурно. Неблагоустройства ещё достаточно, но часто встречаются европейские здания, есть хорошо вымощенные улицы, проводится электрический трамвай. Среднему русскому губернскому городу до Владивостока далеко» [13, с. 93].

Но самый важный момент, который создавал совершенно неповторимый образ Владивостока, придавал ему специфику и отмечался современниками – это особенный состав населения – преобладание военных, иностранцев, мужчин, недостаток женщин и временный характер населения.

¹ К замощению приступили в 1899 г., первоначально было замощено около 788 метров, т.е. меньше километра.

Военный губернатор Владивостока во Всеподданнейшем отчёте за 1881 г. отметил, что «преобладание иностранцев, особенно манз, как в самом Владивостоке, так и во всём Южно-Уссурийском крае делает город своеобразным и лишает его русской народности» (РГИА ДФ. Ф. 77 Оп. 1. Д. 294. Л. 257-257 об.), а в отчёте за 1884 г. его оценка отличается ещё более резким тоном: «Это преобладание иностранцев в населении резко отличает Владивосток от других русских городов, главным образом войско и чиновничество дают Владивостоку вид русского города. Женского пола весьма недостаточно, ... преобладание мужского элемента, бесемейного большинства, тоска по родине отражается крайне дурно на нравственном состоянии населения, порождая разврат, пьянство и вообще разнузданность, в особенности в низших слоях общества» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 370-370 об.).

Подобные же оценки встречались и на страницах путевых заметок начала XX в.: «Вряд ли найдётся в целом мире другой город, который совмещал бы в себе столько народностей, как Владивосток. Здесь можно встретить русских, поляков, французов, кавказских горцев, корейцев, англичан, китайцев, немцев, японцев, американцев и проч.» [2, с. 63-64]. А. Виноградов также отмечает многонациональный состав населения города, из-за чего «жители разбиваются на кружки по национальностям и мало или почти не общаются с людьми, не принадлежащими к данному кружку» [4, с. 127].

Действительно, на протяжении всей досоветской истории каждый третий или четвёртый житель города был выходец из сопредельных азиатских стран и более всего из Китая, неудивительно, что это сразу бросалось в глаза людям, приехавшим из Европейской России. Журналист, публицист Д.И. Шрейдер, посетивший Дальний Восток в середине 1890-х годов, писал: «По улицам города снуют по всем направлениям китайцы, корейцы и японцы. Особенно много китайцев; русских почти совсем не видеть... Длинная коса, волочащаяся чуть не до самой земли, жёлтый, пергаментный цвет лица – следствие обильного употребления опиума и плохого питания, – лукавые раскосые глаза, своеобразный костюм, состоящий на-половину из чего-то похожего на дамскую кофту («курма»), на половину из лёгких шаровар детского покроя, мягкие туфли, неслышная поступь, вкрадчивый голос, льстивая речь, – таков, в общем, по первому впечатлению, уссурийский китаец, известный у местных жителей под названием «манзы»¹» [20, с. 12].

Преобладание азиатских мигрантов было особенно заметным в нескольких районах. Китайцы во Владивостоке уже в 1870-х годах заселили в центральной части города так называемый Манзовский базар вблизи городской пристани, затем район вблизи Семёновского покоса.

Манзовский базар производил неизгладимое впечатление как на людей, недавно прибывших в город, так и на жителей города. Свидетельств современников на этот счёт можно привести немало. Городовой врач Владивостока в отчёте за 1882 г. констатировал: «... Главным же источником распространения зловония в воздухе служит манзовский базар и все участки, занятые манзовскими фанзами и надворными постройками». «Манзы же в домашнем обиходе чрезвычайно грязны и неопрятны, все их жилья повсюду окружены целыми кучами мусора, нечистот и отбросов пищевых остатков. Воздух вокруг манзовских жилищ приобретает сильную удушливость и неприятный запах также от особенного ... травяного масла, на котором манзы приготавливают себе пищу» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 211. Л. 160 об.). Столь же нелестно он отозвался и

¹ Манзы или мань-цзы – термин, употреблявшийся на российском Дальнем Востоке по отношению к китайцам, дореволюционные авторы относительно его происхождения высказывали самые разнообразные мнения.

о районе рядом с Семёновским покосом, который «...примыкает к самому заселённому и в тоже время самому бедному и грязному кварталу города. Население в этом квартале крайне скученное: маленькие домики русских жителей, а ещё более фанзы манз и корейцев устроены против всяких правил гигиены и особенно фанзы до невозможности переполнены жильцами. Так, например, в фанзе построенной на 7-8 сажений длины и 3-4 ширины живёт до 30-40 человек манз или корейцев» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 382. Л. 118а об.-119).

К концу 1890-х годов китайские кварталы вблизи Семёновского покоса изменились, это отметил А.В. Даттан в своей работе о приамурской торговле: «... бывшие жалкие китайские кварталы совершенно преобразились: в строительном отношении застроенные массою каменных зданий, они представляют положительно лучшую часть города, перед которою отступают не только его русские слободки с деревянными и глиняными мазанками, но даже самая центральная часть, где каменные дома всё ещё представляют большую редкость. Против какого-нибудь десятка каменных домов русских обывателей, китайцы в течение 7-8 лет успели соорудить целые каменные кварталы и притом не на собственной, а на арендованной земле» [8, с. 85].

И хотя этот район претерпел изменения, он по-прежнему пользовался среди жителей города и приезжих особой репутацией, как места антисанитарного и криминального. Среди горожан были распространены слухи о тайных комнатах и ходах, пробитых лазах, а статьи в местных газетах только подогревали негативный образ этого района. Численность проживавших здесь китайцев тоже становилась пищей для подобных мифов. Не случайно эти районы получали говорящие названия «Пекин», «Миллионка», «Владивостокские трущобы» [9].

В местных газетах нередко были сообщения о вооружённых нападениях, грабежах, убийствах, совершённых в азиатских кварталах. Показательна в этом плане опубликованная 29 сентября 1911 г. заметка в газете «Далёкая окраина» о дворе дома с китайским театром Ван-Илина по Семёновской улице: «Весь двор представляет собой сплошной притон – опиекурильни, публичные японские и китайские дома, банкочки, харчевни, «набитые всевозможным сбродом». Рядом с театром помещается китайская баня с тайной проституцией. «Сюда сходится чуть ли не весь преступный китайский элемент». Редкий день обходится тут без драк» [10]. Подобных примеров можно привести великое множество.

Иностранцы упоминались в текстах того времени и в другом контексте – многие отмечали зависимость экономики Владивостока от них, при этом одни делали упор на китайское влияние, а другие – на европейское, особенно немцев в торговле города. Ярких и запоминающихся цитат можно привести великое множество, ограничусь лишь двумя. Весьма красноречиво Д.И. Шрейдер написал о незаменимости китайцев для жителей города: «При отсутствии в этом юном крае постоянного и оседлого русского населения присутствие манзы является абсолютно необходимым условием более или менее сносного существования европейца. Без него он сидел-бы здесь без пищи, питья и топлива и нуждался бы в самых существенных и элементарно-необходимых предметах человеческого общежития. Без манзы европейскому колонисту нельзя здесь шагу ступить. Нужно ли вам строить дом или вскопать огород, имеете ли вы нужду в прислуге, мясе и овощах, имеете ли вы надобность в черно-рабочем, ремесленнике, подрядчике, – за всем этим вы должны обращаться к манзе: он и прислуга («бой» – по местной терминологии), он и ремесленник, и огородник, и мясоторговец, ... комиссионер, подрядчик, лавочник, земледелец, пахарь, словом, всё, что угодно» [20, с. 49].

Военным губернатором Владивостока не менее впечатляющая характеристика дана предпринимателям из Германии, выигрывавшим в борьбе за потребителя в сравнении с русскими торговцами: «Немцы в торговле Владивостока занимают первое место. Торговое дело своё они поставили во Владивостоке значительно прочнее, обширнее и лучше, чем у русских, товары у них разнообразнее, свежее и лучше, служащие стоят выше по развитию и деликатности, магазины очень большие и богатые, с весьма хорошою обстановкою. Русские же в магазинах обстановку имеют неприглядную, помещения тесные, служащих недостаточно да и те не отличаются знанием дела, не владеют нужным тактом и стоят ниже по развитию немцев. Выбор товара очень ограниченный и ниже качеством чем у немцев» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 602. Л. 165 об.-166).

Ещё одну часть образа Владивостока составляла дороговизна жизни (продуктов, предметов первой необходимости, квартир, рабочей силы, включая прислугу), её отмечают на протяжении всего рассматриваемого периода, начиная с Пржевальского, отчётов губернаторов за 1880-е годы и заканчивая путевыми записками и очерками журналистов и чиновников, посетивших город в 1890-е годы и в начале XX в. Все повторяют, что большинство товаров в два-три раза дороже, чем в Европейской России. В 1870-80-е годы эта особенность местной жизни ещё дополняется весьма низким качеством продаваемых товаров и повсеместным мошенничеством продавцов. Весьма красноречиво об этом написал Н.М. Пржевальский: «... немного можно сказать похвального про торговлю этих купцов (иностранных) во Владивостоке товарами, составляющими насущную потребность местных жителей. Не говоря уже про то, что все эти товары – самый низкий брак, покупаемый по большей части с аукциона в Гамбурге или в Шанхае, существующие на них цены безобразно высоки и постоянно увеличиваются по мере того, как товар уже на исходе или остаётся в руках только у одного купца. Не буду приводить цен различных товаров, продающихся во Владивостокских лавках; эти цены можно узнать каждому, если помножить на три, а иногда даже на четыре, и только в редких случаях на два ту сумму, которую стоит данная вещь в Европе» [16, с. 144].

Постоянной темой на страницах официальных отчётов, местной печати и заметок путешественников была и проблема водоснабжения Владивостока – нехватка в городе источников пресной воды, нехватка и плохое состояние колодцев, а также необходимость сооружения водопровода, но отсутствие средств на него в городском бюджете [1, с. 20; 17, с. 11]; (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 130. Л. 40 об., 77 об.-78, 208 об.; Д. 382. Л. 120, 372].

В текстах официальных отчётов (а иногда и в путевых очерках) отражались не только эти стороны жизни Владивостока, в них охватывался весь спектр проблем развития города, содержались статистические данные о торговле, промышленности, численности учебных заведений. Однако в виду ограниченности места остановлюсь только на ещё одной составляющей образа Владивостока – характеристике местного общества и общественной жизни. Уже в 1880-е годы на страницах всеподданнейших отчётов отмечалось позитивное воздействие на местную жизнь общественных организаций – Владивостокского благотворительного общества, Общества содействия спасанию на водах, созданных в 1876 г., Общества изучения Амурского края (1884).

Кроме своей непосредственной деятельности – содержания двух элементарных школ, финансовой поддержки недостаточных учеников и малообеспеченных обывателей – местное благотворительное общество немало делало и для развития досуга. Устраивавшиеся обществом ме-

роприятия – народные гуляния и танцевальные вечера – позволяли не только собирать средства, но и заполняли полезными развлечениями довольно однообразную жизнь горожан. В отчёте военного губернатора Владивостока за 1885 год отмечено, что «Владивостокское благотворительное общество, в котором состоят членами и принимает участие почти всё интеллигентное население, представляет собою одно из самых отрядных явлений жизни юного города на далёкой нашей окраине востока» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 509. Л. 225). Немало места им уделено и первым успехам Общества изучения Амурского края, которое также «встретило полное сочувствие и интерес в населении и преимущественно со стороны моряков» (РГИА ДВ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 509. Л. 183).

Однако немало свидетельств оставлено о скуке местной жизни и весьма специфическом характере развлечений – пьянство, карты, сплетни, «игра в тигра», «клуб ланцетупов». Обыватели, жившие в посту в 1870-80-е годы, делились со Д.И. Шрейдером впечатлениями о своей жизни: «...За эти долгие годы совместной жизни в малолюдном порту мы, может быть, по сто раз повествовали друг другу одни и те же истории... Было переговорено всё, что мы знали, что мы слышали, всё, что нас волновало и мучило, всё, что нам подсказывало наше воображение...» [20, с. 39-41]. Из-за немногочисленности образованного общества круг общения был ограниченным, новых тем для разговоров практически не было, новости из западных регионов доходили медленно и успевали устаревать. Имевшиеся в частных руках книги и газеты перечитывались по несколько раз. Современники с сарказмом и горечью писали о развлечениях офицеров и чиновников в первые годы существования поста. Увлечения охотой, тайгой и местной природой быстро наскучило, повседневные развлечения ограничивались картами и выпивкой. В условиях безнадежной тоски, неудивительным было распространение таких игр весьма авантюрного плана, как «игра в тигра». Д.И. Шрейдер записал воспоминания о ней одного из старожилов Владивостока. Игра происходила в полной темноте в комнате, откуда предварительно выносились вся мебель. Одни из участников, исполнявший роль тигра, сняв обувь, должен был передвигаться по комнате как можно мягче и неслышно как пантера, другие участники вооружались револьверами и стреляли по шороху или шуму шагов в сторону тигра. Подобные игры порой заканчивались серьёзными ранениями, но, как сказал этот сторожил: «Мы тогда очень дешево ценили нашу жизнь» [20, с. 44]. Упомянутый современниками в весьма ироничном тоне «клуб ланцетупов» был создан для общественных развлечений, а вылился в итоге в сообщество, развлекавшееся розыгрышами, иногда весьма сомнительного свойства [20, с. 42-46].

По отзывам современников, местное общество не слишком изменилось и к началу XX в. По свидетельству А. Виноградова, общественные развлечения исчерпывались «несколькими клубами... Семейного характера клубы не имеют за отсутствием женщин. На здешних «семейно-танцевальных» вечерах нередко можно встретить человек сорок мужчин и всего 6-7 женщин» [4, с. 127].

Объем статьи не позволяет остановиться на двух важных составляющих образа территории в представлении современников – тигры и хунхузы, о них пишет почти каждый посетивший далёкую окраину. Но обилие и обширность цитат по данному поводу не позволяют остановиться на этих аспектах, и, в первую очередь, это связано с тем, что они в большей мере относятся к Южно-Уссурийскому краю, чем непосредственно к Владивостоку, и заслуживают отдельного внимания.

Таким образом, главными составляющими образа Владивостока в восприятии современников были неблагоприятный климат, удобство и

красота бухты Золотой Рог, своеобразии городского ландшафта, внешний облик города, включая состояние застройки, улиц и тротуаров, дороговизна жизни, проблема водоснабжения, огромная доля военных и азиатских иммигрантов в составе населения, преобладание мужчин и нехватка женского общества, антисанитария и опасность, исходившая от мест проживания китайцев и корейцев, зависимость городской экономики от иностранцев. Восприятие города современниками претерпело мало изменений в течение всего рассматриваемого периода. Образ сохранил в себе как позитивные характеристики, так и негативные. Одно очевидно, это был в представлении современников своеобразный город, сильно отличавшийся от русских и европейских городов.



Литература

1. Березовский А.Н. К вопросу об экономическом и торгово-промышленном развитии порта и города Владивостока. Владивосток, 1907. 23 с.
2. Богданов А. Амур и Уссурийский край. Очерк. М.: Тов-во типолитография В. Чичерин, 1905. 80 с.
3. Визгалов Д. Брендинг города. М.: ФЛНД «Институт экономики города», 2011. 160 с.
4. Виноградов А. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М.: Типография тов-ва Кушнарев и К^о, 1901. 332 с.
5. Владивосток. 1895. 25 июня.
6. Владивосток. Сборник исторических документов. 1860-1907 гг. Владивосток: Прим. Кн. изд-во, 1960. 220 с.
7. Гребенщиков М.Г. Путевые записки и воспоминания по Дальнему Востоку. СПб.: Тип. Я.И.Либермана, 1887. 271 с.
8. Даттан А.В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М.: Типография Т.И. Гагень, 1897. 192 с.
9. Далекая окраина. 1910. 26 авг., 25 нояб.
10. Далекая окраина. 1911. 29, 30 сент.
11. Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 107-115.
12. Крылова А.Н. Особенности формирования имиджа территории в российской провинции // *Сборник статей и материалов участников Международной научно-практической конференции. Проблемы устойчивого развития городов*. Миасс, 2008. Т.1. С. 224-228.
13. Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М.: Задруга, 1913. 172 с.
14. Люлько А.Н. Имидж города и факторы, влияющие на его формирование // *Власть*. 2011. №8. С.71-73.
15. Прей Э.Л. Избранные письма, 1894-1906. Владивосток: Рубеж, 2012. 624 с.
16. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. Владивосток: Примиздат, 1949. 346 с.
17. Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области: Путеводитель и справочная книга с приложением Адрес-Календаря г.Владивостока и проч. СПб., 1891. 93 с.
18. Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1907. 380 с., 107 с. прил.

19. Терских М.В. Имидж Сибири в аспекте брендинга туристической дестинции // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. № 4 (38). С. 263-272.
20. Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. Три года в Уссурийском крае. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1897. 469 с.
21. Южаков С.Н. Доброволец Петербург. Дважды вокруг Азии. Путевые впечатления. СПб.: Типо-литография Б.М.Вольфа, 1894. 349 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Berezovskij A.N. K voprosu ob ehkonomicheskom i torgovo-promyshlennom razvitii porta i goroda Vladivostoka. Vladivostok, 1907. 23 s.
2. Bogdanov A. Amur i Ussurijskij kraj. Ocherk. M.: Tov-vo tipolitografiya V. Shcherin, 1905. 80 s.
3. Vizgalov D. Brending goroda. M.: FLND «Institut ehkonomiki goroda», 2011. 160 s.
4. Vinogradov A. V dal'nikh krayakh. Putevye zametki i vpechatleniya. M.: Tipografiya tov-va Kushnarev i Ko, 1901. 332 s.
5. Vladivostok. 1895. 25 iyunya.
6. Vladivostok. Sbornik istoricheskikh dokumentov. 1860-1907 gg. Vladivostok: Prim. Kn. izd-vo, 1960. 220 s.
7. Grebenshnikov M.G. Putevye zapiski i vospominaniya po Dal'nemu Vostoku. SPb.: Tip. YA.I.Libermana, 1887. 271 s.
8. Dattan A.V. Istoricheskij ocherk razvitiya Priamurskoj trgovli. M.: Tipografiya T.I. Gagen', 1897. 192 s.
9. Dalekaya okraina. 1910. 26 avg., 25 noyab.
10. Dalekaya okraina. 1911. 29, 30 sent.
11. Zamyatin D. N. Obraz strany: struktura i dinamika // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 1. S. 107-115.
12. Krylov A.N. Osobennosti formirovaniya imidzha territorii v rossijskoj provintsii // Sbornik statej i materialov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii. Problemy ustojchivogo razvitiya gorodov. Miass, 2008. T.1. S. 224-228.
13. Ligin YU. Na Dal'nem Vostoke. M.: Zadruga, 1913. 172 s.
14. Lyul'ko A.N. Imidzh goroda i factory, vliyayushhie na ego formirovanie // Vlast'. 2011. №8. S.71-73.
15. Prej E.H.L. Izbrannye pis'ma, 1894-1906. Vladivostok: Rubezh, 2012. 624 s.
16. Przheval'skij N.M. Puteshestvie v Ussurijskom krae. 1867-1869 gg. Vladivostok: Primizdat, 1949. 346 s.
17. Prik A.E., Belyaev A.D. Vladivostok i YUzhno-Ussurijskij okrug Primorskoj oblasti: Putevoditel' i spravochnaya kniga s prilozheniem Adres-Kalendarya g.Vladivostoka i proch. SPb., 1891. 93 s.
18. Pavlov E. Na Dal'nem Vostoke v 1905 godu. Iz nablyudenij vo vremena vojny s Yaponiej. SPb.: Knigopечатnya SHmidt, 1907. 380 s., 107 s. pril.
19. Terskikh M.V. Imidzh Sibiri v aspekte brendinga turisticheskoy destintsii // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg, 2011. № 4 (38). S. 263-272.
20. Shrejder D.I. Nash Dal'nij Vostok. Tri goda v Ussurijskom krae. SPb.: Izd. A.F. Devriena, 1897. 469 s.
21. YUzhakov S.N. Dobrovolets Peterburg. Dvazhdy vokrug Azii. Putevye vpechatleniya. SPb.: Tipo-litografiya B.M.Vol'fa, 1894. 349 s.